

«Я жив, двенадцать лет тобой храним»

Новая версия истории любви русского поэта и французской актрисы

Комм. прот. 89, -1992. - 4 экз.

Мы СИДИМ с Гневашевым в его тесной от фотоархивов комнате. Я приехал к нему делать очередной выпуск «Неизвестного кино», и надо же — из кипы фотографий выскользнул вот этот снимок Марины Влади...

— Это было очень давно. Узнав, что в Москву приехала Марина Влади, я решил делать о ней фотофильм — чуть ли не каждый день жизни. Нас познакомили, и я ходил за нею всюду и я видел, как они впервые встретились, — он влюбился в нее в коридоре, мгновенно, с ходу, я видел это по его лицу совершенно ясно... По-моему, это Ия Саввина повела Марину после репетиции «Пугачева» за кулисы, в гримерку. Мы шли по коридору, и вдруг навстречу — он, с сопровождающими, естественно, лицами. Увидел «колдунью», чуть опешил и, маскируя смущение, форсированным, дурашливо-театральным голосом: «О, кого мы видим!..» Она остановилась: «Вы мне так понравились... А я о вас слышала во Франции... Говорят, вы здесь страшно популярны...»

Потом всей кучей сидели в его гримерке, пили сухое вино, и он, конечно, взял в руки гитару.

Высоцкий не был для меня тогда Высоцким. Его тогдашние

песни были оригинальны, но большей частью своей годились скорее «для электричек», для «масс». Да, он хулиганил в них, был неожиданен и талантлив, но они не потрясали, и до Окуджавы ему было далеко. Как актер он был значительно сильнее.

А тут эта ураганная какая-то любовь, не допускающая даже мысли быть отвергнутой и тем не менее — безнадежная. Что была ей, французской актрисе с мировым именем, страсть русского барда с хриплым голосом, пусть даже и суперпопулярного у себя на родине? Там, где сдавались без боя любые отечественные «крепости», французская стояла непоколебимо. Не думаю, что это уязвляло его самолюбие, он был выше этого. Скорее это подхлестывало его еще больше, может быть, впервые за последние годы он встретил такое сопротивление — пить так пить, любить — так королеву. Но она была «колдуньей» — говорили, что мужьям она приносила несчастье, утверждали, что ее первый муж — французский летчик — разбился, второй — югослав — тоже погиб от чего-то. Вранье, конечно, но за Володю волновались.

Он же просто ошалел от любви. Таким он был совершенно незащищен, все страдания легко читались на его лице, он буквально ее преследовал, но все было тщетно. В своей книге Марина пишет о первой минуте встречи: «...мы смотрим друг на друга, как будто всег-

да были знакомы. Я знаю, что это — ты».

Я не утверждаю, что это неправда — правда. Ее правда ее любви. Я только могу вспомнить, как уговаривала она урядкой откланивающихся гостей:

— Ребята, вы его уведите подальше от гостиницы, а то он возвращается и это... ломится в номер.

С тем она и уехала, чтобы появиться через несколько месяцев на съемках Юткевича «Сюжет для небольшого рассказа». Она уехала, не дав Володе ни намека на взаимность, но оставив ему спасительную фору в несколько месяцев. Как он их жил — никто пока не описал: и напивался, и репетиции срывал, и из театра его выгоняли, но вступался Юткевич и говорил, что во всем виноваты они.

И стихи писал до утра.

Когда Марина вернулась, Володин штурм начался с новой силой. И опять тщетно — ей надо было влюбиться в него, а она все никак не влюблялась.

Но однажды съемочная Маринина группа завалилась в гости к Максиму Леону, московскому корреспонденту «Юманиста». Высоцкий появился позже, после спектакля. Бледноватый, немногословный. Как всегда, поцеловал Марину руку. Как всегда, взял гитару...

С первых же звуков его голоса мороз пополз по нашим спинам: «Идет охота на волков, идет охота...».

Это был совсем другой Вы-

соцкий. Он вырос на несколько голов сразу.

Еще одна новая песня... И еще одна — какая сила в них, нерв!

В этот вечер и родился настоящий Высоцкий.

Марина полюбила его в мгновение.

Ты знаешь, я уверен, что она дала ему счастье. Она показала ему мир, а миру подарила Высоцкого. Она родила в нем самые лучшие песни.

Уже после регистрации брака ее, шутя, полушутя и совсем не шутя, спрашивали:

— Ты что, во всей Франции не смогла найти себе мужа?

В том же тоне она отвечала:

— Там — шарман, здесь — мужик.

— Замечательно, — оживаю я, — но история их любви написана у Влади по-другому, да и воспоминания друзей друг от друга разнятся — кто же прав?

— Марина права. И друзья правы. И я прав тоже: когда в этом году мы с Мариной встретились и развспоминались, я спросил ее: «А помнишь, сидели у Макса, и Володя пел новые песни? Скажи честно: он «достал» тебя именно в тот вечер?»

— Да, Игорь, — ответила она. — Это было так.

С Игорем ГНЕВАШЕВЫМ разговаривал Юрий ГЕЙКО.

Фото В. ПЛОТНИКОВА.